УДК 34(3/9)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND OF ACTIVITY OF MILITARY JUDICIAL SYSTEM IN THE URALS AND WESTERN SIBERIA AT THE END OF XVIII–THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

Воропанов В.А.,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения
государственной и муниципальной службы
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Челябинский филиал)

В статье раскрываются особенности организации военно-судебной системы, формирования состава судей и развития юрисдикции местных военно-судебных органов Российской империи в провинции на примере губерний Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: Российская империя, право, военно-судебная система, военно-уголовное законодательство.

У статті розкриваються особливості організації військово-судової системи, формування складу суддів і розвитку юрисдикції місцевих військово-судових органів Російської імперії в провінції на прикладі губерній Уралу і Західного Сибіру.

Ключові слова: Російська імперія, право, військово-судова система, військово-кримінальне законодавство.

In article are analyzed features of the organization of the military judicial system, of formation of the composition of the judges and of development of jurisdiction of local military courts of the Russian Empire in the province on the example of Ural and Western Siberia.

Key words: The Russian Empire, law, military judicial system, military criminal legislation.

Актуальность исследования опыта организации отечественного правосудия обусловлена необходимостью определения тенденций и закономерностей в развитии государства и общества. В период до принятия Военно-судебного устава 1867 г. повышенная роль органов военной юстиции Российской империи в реализации требований уголовного законодательства объяснялась несовершенством юридической практики. Несмотря на стабильный рост интереса к анализу проблемы эволюции организации и деятельности военно-судебной системы Российской империи [1-3], местный опыт судоустройства и осуществления правосудия является малоизученной темой. Данная статья посвящена исследованию военно-судебной системы в восточных губерниях. В перспективе сравнительно-сопоставительный метод позволит выявить общее и особенное в реализации военно-уголовного законодательства в различных областях Российской империи и, в свою очередь, прояснить цели учреждения и оценить результаты функционирования «дореформенных» военных судов на территории Украины.

На основании Устава 1716 г. в российских вооружённых силах действовали временные военно-судные комиссии. В ходе реформирования местного судоустройства в империи Екатерина II санкционировала передачу дел с участием лиц, находившихся на военной службе, в суды общей юрисдикции, ограниченные первой инстанцией и обязанные применять военно-уголовное законодательство (1782 г.) [2, с. 107-108; 4]. «Сентенции» военных судов просматривались «командующим генералитетом». Начальник пользовался правом смягчить наказание лицу, признанному виновным. Приговоры, влёкшие «*натуральную и политическую смерть*», утверждались Военной коллегией. В делах по «маловажным» преступлениям рядового состава с 1779 г. участвовали губернаторы и обер-коменданты [5].

Законодатель избирательно санкционировал применение мер военно-уголовного характера в гражданской сфере в целях ускорения судопроизводства и ужесточения наказаний за преступления, имевшие особо опасные последствия. С 1767 г. наряду с типовыми военно-судебными органами особые комиссии могли создаваться при конторах, занятых генеральным межеванием. «Презусом» суда являлся член межевой конторы, в асессоры и аудиторы могли приглашаться полковые обер-офицеры [6].

Сближение юридического статуса работников горно-металлургического комплекса с военнослужащими побудило законодателя включить в 1779 г. в компетенцию постоянной военно-судной комиссии, созданной при Колывано-Воскресенской горной команде, дела о мастеровых, работных, а в 1780-х гг. и урочных людях. В состав суда входил горный обер-офицер. Материалы дел поступали к горному начальнику. Право ревизии приговоров принадлежало высшему органу дворцового управления – Кабинету е.и.в. С августа 1780 г. следственное отделение Барнаульской комиссии военного суда в лице трёх асессоров работало в Змеиногорске [7].

Павел I устрожил надзор над деятельностью военных судей. Со сменой правления практика смешения полномочий военных и гражданских судов прекратилась. При «ордонанс-гаузах», учреждённых монархом в городах и крепостях с воинскими командами, возникла сеть постоянных судов по делам рекрутов и военнослужащих, не входивших в гарнизон, с прикомандированием аудитора из подразделений гарнизона. При наличии близ крепостей армейских полков офицеры всех воинских частей командировались к исполнению обязанностей презусов и асессоров «*по очереди*» [8]. Лишение офицерского чина или дворянского достоинства превышали компетенцию местных органов [9]. В качестве высшей инстанции по гражданским и уголовным делам, касавшимся армии, Аудиториатскую экспедицию Военной коллегии сменил Генерал-аудиториат (1797 г.) [10]. Наконец, указ от 11 января 1797 г. потребовал замены воинских чинов межевых служащих статскими, создав формальные трудности при укомплектовании должностей в судах, учреждённых в 1767 г. при конторах, занятых в провинции генеральным межеванием, и указ Сената от 26 марта 1800 г. предписал именовать военно-судные комиссии межевого ведомства «*следственными*» [11].

Правила военно-уголовного процесса по делам рядовых военнослужащих недворянского происхождения скорректировал акт от 18 октября 1806 г., разделивший полномочия начальников дивизий и «главнокомандующего генералитета». О принятых решениях сообщалось в Инспекторскую экспедицию Военной коллегии. Приговоры по делам о тяжких преступлениях и множестве преступлений, совершённых рядовыми чинами «*не из дворян*», утверждал Генерал-аудиториат [12]. Губернатор определял меру наказания гражданских лиц, осуждённых военным судом. С 1864 г. сомнительные приговоры военных судов губернатор представлял в Сенат [13].

В первой половине XIX в. предметно-объектная юрисдикция военных судов стабильно расширялась. В казачьих областях и горных округах на Урале и в Западной Сибири сложились системы постоянных и временных военно-судных комиссий. В свою очередь в 1831 г. законодатель учредил суды в составе презуса штаб-офицерского чина, 4 асессоров из обер-офицеров и аудитора образовали при Оренбургской и Уральской войсковых канцеляриях. Военно-судные вопросы по Оренбургскому и Сибирскому казачьим войскам входили в круг обязанностей третьего стола войсковых дежурств, чиновники которых следили за изменениями в военно-уголовном законодательстве, обеспечивали организацию следственных действий, вели переписку, передавали дела в комиссии военного суда, готовили доклады атаманам, представления корпусным командирам, отсылали материалы делопроизводства в Военное министерство, контролировали точное исполнение приговоров [14; 15; 16]. Военно-судные отделения функционировали при штабах отдельных Оренбургского и Сибирского корпусов. В 1858–1863 гг. устранением накопления сотен уголовных дел при войсковом дежурстве Оренбургского казачьего войска занималось «Временное отделение военно-судной части» в составе обер-аудитора, 4 аудиторов, 10 писарей и 4 казачьих офицеров, работавших под надзором начальника штаба [17].

Законодатель учитывал специфику преступлений, совершавшихся в провинции, особенности юридического статуса местных сословий. В марте 1832 г. Комитет министров позволил начальнику Оренбургского края в виде временной меры предавать военному суду конокрадов, выдаваемых башкиро-мещерякскими обществами. Репрессивная мера, по свидетельству местной администрации, дала позитивные результаты, снизив уровень преступности в крае. Воровство среди служилых людей этнических команд более не являлось предметом «*опасения хозяев и обременения судебных мест делами*», что позволило начальнику края ходатайствовать о передаче на рассмотрение военно-судных комиссий тяжких уголовных преступлений, совершённых отставными уральскими и оренбургскими казаками, башкирами, мещеряками, калмыками, тептярями и бобылями. Дела о бродяжничестве, разбоях, грабежах, укрывательстве преступников загружали суды «*без возможности решать их в скорости*», чем успешно пользовались обвиняемые. Создание комиссий «*по мере надобности*» было санкционировано в Уфе, Верхнеуральске, Троицке и Орской крепости. В 1835 г. военно-уголовное законодательство охватило отставных чиновников «военных сословий» [18].

Действие военно-уголовного законодательства относительно Башкиро-мещерякского войска и «*тептярей*» смягчило постановление Государственного совета, утверждённое 19 апреля 1854 г., о передаче материалов следствий по «*происшествиям*», случившимся между обывателями, не находившимися на действительной службе, а также дел с неустановленными составами преступлений, на рассмотрение уездных судов [19].

Воровство скота оставалось доминирующей категорией преступлений на Урале. В июне 1851 г. Государственный совет распространил на башкир, мещеряков, тептярей и бобылей уральских губерний правила «*к отвращению конокрадства*», утверждённые 19 января 1848 г. Командующий Башкиро-мещерякским войском, наделённый по указу от 16 ноября 1850 г. в решении военно-судных дел властью начальника дивизии [20], настаивал на смягчении закона, объясняя поведение подчинённых укоренившимися народными нравами [21]. Решением Военного совета, вступившим в силу 21 ноября 1855 г., меру жёсткого телесного наказания для нижних чинов из башкир, мещеряков, тептярей и бобылей за кражу на сумму менее 30 руб. после ознакомления с материалами следствия стал определять командующий [22].

Наконец, развитие военно-уголовного законодательства обусловливалось спецификой социального состава населения периферии. По указу от 9 июня 1836 г. военному суду в Оренбургской губернии предавались беглые разбойники, убийцы «*и вообще все бродяги*», имевшие судимость, а также лица, осуждённые к ссылке, но бежавшие из-под стражи [23]. В Сибири скорое наказание посредством военного суда грозило ссыльным каторжникам и поселенцам, а также соучастникам их преступлений [24; 25]. В городах Урала и Сибири создавались военно-судные комиссии в связи с обвинениями лиц в хищении и торговле драгоценными металлами, сурово преследовались противозаконные добыча, провоз и продажа соли [26].

Смешанный состав обвиняемых предполагал совместное разбирательство дел военными и уездными судьями. Уральская войсковая канцелярия «*в отвращение медленности*» передавала приговоры к наказанию гражданских лиц, вовлечённых в преступления военнослужащих, непосредственно начальнику края «*для конфирмации*», в Оренбургскую уголовную палату на проверку поступали копии с документов военного суда [27].

Увеличение населения в Колывано-Воскресенском горном округе и, как следствие, дел, рассматривавшихся Барнаульской комиссией военного суда, побудило начальника заводов ходатайствовать в мае 1818 г. о создании системы постоянно действующих специальных органов. Специальная юрисдикция обусловила порядок формирования состава военных судов в горном округе из ведомственных чиновников [28]. Горная канцелярия «*по земской части*», утверждавшая приговоры, была уполномочена смягчать меру и изменять вид наказания [29]. С 1828 г. руководство Алтайского горного округа пользовалось правом создавать при заводах и рудниках «*по особым случаям*» временные военно-судные комиссии в составе «презеса» из горных офицеров и 2–6 асессоров из числа как горных, так и статских чиновников, назначавшихся начальником заводов. Военному суду предавались за совершение преступлений все лица, «*какого бы звания и состояния ни были*», занятые исполнением обязанностей на заводах. Мастеровые, набиравшиеся рекрутским способом, «уподоблялись» военнослужащим и подлежали военному суду за преступления, совершённые до перевода на заводы, уволенные от работ – за преступления, совершённые до отставки. Приговоры военных судов поступали в первый стол судного отделения горного правления. Заключение горной администрации оформлялось протоколом. Губернатор на правах её главы утверждал приговоры военно-судных комиссий.

Полномочия местных военно-судебных органов ограничивались с учётом сословной дифференциации населения, в соответствии со спецификой юрисдикции вносились изменения в организацию военно-судебной системы. Дела с осуждением лиц, имевших классные чины, а также групп свыше 9 человек горное правление обязалось высылать в Кабинет е.и.в. [30] В 1831 г. Кабинет е.и.в. передал полномочия в военно-судебной сфере Горному суду, учреждённому при Департаменте горных и соляных дел Министерства финансов. Приговоры к наказанию классных чиновников и свыше 9 нетабельных служащих недворянского происхождения, постановленные Горным судом, дополнительно рассматривались в Советах Департамента и Министерства, вступали в силу после их утверждения министром. Лишение виновных лиц чинов и прав дворянства санкционировал монарх [31]. В 1834 г. Общее присутствие Департамента преобразовалось в Совет Корпуса горных инженеров под председательством министра. Горный суд в качестве высшей инстанции сменил Горный аудиториат (1837-1863 гг.) [32].

Милитаризация управления казёнными заводами ужесточила уголовную ответственность чиновников, мастеровых и рабочих людей на Урале. С апреля 1802 г. по-

стоянный военный суд действовал в Екатеринбурге [33]. Положение 1806 г. уполномочило горного начальника формировать временные военно-судные комиссии в составе «презуса» из горных или военных офицеров и 2-6 асессоров из горных, военных или статских чинов, служивших при заводах. Рассмотрению судами подлежали преступления лиц мужского пола, состоявших «*в действительной горной службе*». В 1853 г. Государственный совет распространил их юрисдикцию на работников, уволенных со службы «*не за выслугу лет, а по неспособности и болезням*» [34].

В систему государственных органов, вовлечённых в военно-уголовный процесс, входили руководители администрации Уральского горного округа. Проект горного положения 1806 г. уполномочил горного начальника утверждать приговоры военных судов. Правом допустить исполнение приговора по делу о тяжком преступлении (разбое, убийстве, поджоге), а также утвердить оправдательный приговор в отношении обер или штаб-офицера, не получивший согласия горного начальника, был наделён генерал-губернатор. Органы надзора пользовались правом смягчать меру наказания осуждённым. В 1809 г. из-за некомпетентности, проявленной рядом горных начальников, право утверждения «сентенций» сосредоточилось в обязанностях генерал-губернатора [35]. Дела в отношении привилегированных лиц (классных чиновников, а также художников, уставщиков, мастеров, межевщиков, пробирщиков) поступали на рассмотрение Горного суда [36; 37].

Таким образом, строительство военно-судебной системы на Урале и в Западной Сибири проводилось с учётом комплекса местных особенностей – географических, этнокультурных, правовых. В военно-судебное законодательство вносились изменения, обусловленные милитаризацией общественных отношений в областях проживания казачьего и горнозаводского населения, спецификой социального состава населения периферии. В целях обеспечения правопорядка законодатель индивидуально расширял юрисдикцию судов и сферу применения военно-уголовных законов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ежов А. Н., Кислицын М. К., Петухов Н. А., Самойлов А. С., Толкаченко А.А. Очерки истории военных судов, военных тюрем и военно-уголовного законодательства России / А. Н. Ежов, М. К. Кислицын, Н. А. Петухов, А. С. Самойлов, А. А. Толкаченко. – М. ; Архангельск : Изд-во Института управления, 2003. – 176 с.
2. Петухов Н. А. История военных судов / Н. А. Петухов. – М. : Норма, 2003. – 352 с.
3. Сутормин Г. М. Военная прокуратура от Петра Великого до Николая II. – Г. М. Сутормин // История государства и права. – 2001. – № 3. – С. 7–10; № 5. – С. 9–12.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXI. – № 15455.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XX. – № 14889; Т. XXI. – № 15455.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XVIII. – № 12870.
7. Пережогин А. А. Формирование института военного суда в Колывано-Воскресенском Горном округе (1747–1780 гг.) / А. А. Пережогин // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – С. 161–164.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXV. – № 18786, 19235; Т. XXVI. – № 19361.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XVIII. – № 12886; Т. XXV. – № 18863.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17719, 17757, 17775.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXVI. – № 19344.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXIX. – № 22322. – Ст. 2, 7–10.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXXII. – № 25195; Собрание второе. Т. VI. – СПб., 1832. – № 4350; Т. XII. – СПб., 1838. – № 10384; Т. XXXIX. – СПб., 1867. – № 40651.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. – СПб., 1832. – № 4745; Т. XV. – СПб., 1841. – № 14041. § 105, 137–154; Т. XXI. – СПб., 1847. – № 20671. – § 140.
15. Государственный архив Омской области (Далее – ГАОО). – Фонд 3. – Опись 3. – Дело 4451. – Листы 64 об.–70.
16. Объединённый государственный архив Челябинской области. – Фонд И-219. – Опись 1. – Дело 1. – Листы 214–215, 396.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIII. – СПб., 1860. – № 33895; Т. XXXVII. – СПб., 1865. – № 38420.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII. – СПб., 1833. – № 5201; Т. IX. – СПб., 1835. – № 6852; Т. X. – СПб., 1836. – № 8452; Т. XI. – СПб., 1837. – № 8783.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIX. – СПб., 1855. – № 27993.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXV. – СПб., 1851. – № 24649; Т. XXVI. – СПб., 1852. – № 25255.
21. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. – Фонд 2. – Опись 1. – Дело 8296. – Листы 1–3.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXX. – СПб., 1856. – № 29839.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. Т. XI. – СПб., 1837. – № 9275; Т. XII. – СПб., 1838. – № 9812а; Т. XXI. – СПб., 1847. – № 20471.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. Т. XXX. – СПб., 1847. – № 29330. – Ст. 1803. – П. 1.
25. ГАОО. – Фонд 3. – Опись 3. – Дело 4364. – Листы 16–18.
26. Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. XV. – Кн. II. – Ст. 761. – П. 18, 26, 31; ст. 989.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. – СПб., 1832. – № 4665.
28. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (Далее – ЦХАФ АК). – Фонд 1. – Опись 2. – Дело 2161. – Листы 12–13 об.
29. ЦХАФ АК. – Фонд 1. – Опись 2. – Дело 1814. – Листы 495, 559–559 об., 605–605 об.; Дело 1932. – Листы 71–71 об.; Фонд 2. – Опись 2. – Дело 26. – Листы 5–6.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. – СПб., 1830. – № 1960. – Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов. – § 28, 46. – П. 1; § 48, 84–85, 208–212, 221, 299.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. – СПб., 1832. – № 4775.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. – СПб., 1835. – № 6685. – § 1, 32, 84; № 6716. – § 8; № 6748. – § 1, 2.
33. Государственный архив Свердловской области. Фонд. 57. – Опись 1. – Листы 7–7 об.
34. Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. VII. – Свод учреждений и уставов горных. – Ст. 591, 777–782, 1568, 1572–1574.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXV. – № 23980.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXXI. № 24688. § 53; Собрание второе. Т. I. – СПб., 1830. – № 687. – § 45; Т. XII. – СПб., 1838. – № 10114. – § 2; Т. XXII. – СПб., 1848. – № 21203. – Ст. 1471.
37. Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. VII. – Свод учреждений и уставов горных. – Ст. 1573.